

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-369-383
УДК 821.161.1

Неизвестные автографы И.А. Бунина: Выставка в Кембриджском университете (Великобритания)

© 2019, В.Л. Царёва-Браунер

Аннотация: В статье рассказывается о прошедшей недавно в Кембриджском университете выставке неизвестных ранее автографов И.А. Бунина, истории их нахождения, атрибуции, провенанса. Статья также затрагивает общий вопрос истории книг русской эмиграции первой волны из Славянских Коллекций университетской библиотеки Кембриджа.

Ключевые слова: И.А. Бунин, неизвестные автографы, собрание книг русской эмиграции первой волны.

Информация об авторе: Вера Львовна Царёва-Браунер, MA, BA, MPhil (Manchester), сотрудник кафедры Славистики, факультет Современных и Средневековых языков (MML), Университет Кембриджа (Великобритания), Sidgwick Avenue, Cambridge CB3 9DA, UK, E-mail: vt220@cam.ac.uk.

Цитирование: *Царёва-Браунер В.Л.* Неизвестные автографы И.А. Бунина: Выставка в Кембриджском университете (Великобритания) // Литературный факт. 2019. № 1(11). С. 369–383.

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-369-383

Памяти Л.Н. Царёва

5 ноября 2018 г. в главном здании Центральной библиотеки Кембриджского университета открылась выставка под названием “Out of the Shadows”, которое можно вольно перевести как «Вышедшие (явившиеся, представшие) из теней (тени)». В английском названии отсутствует глагол, поэтому его приходится додумывать при переводе. Выбранное организаторами выставки название — с определенным готическим оттенком — довольно емко характеризует необычную и даже загадочную судьбу представленных на ней уникальных книг¹.

¹ Постоянный сайт выставки: <https://exhibitions.lib.cam.ac.uk/outoftheshadows/>. См. также: <https://europeancollections.wordpress.com/2018/11/05/russian-emigres-on-paper-a-new-exhibition-online-and-in-the-librarys-entrance-hall/>

Экспозиция приурочена к столетию начала Великого русского исхода в 1918 г., все экспонаты — это книги с автографами писателей русской эмиграции первой волны, которые впервые вводятся в научный оборот. Появление подобного рода образцов «материальной культуры» — всегда событие, поскольку они воплощают истинную, осязаемую, а не гипотезированную или «дискурсную» историю. Чем больше мы отдаляемся от трагических событий столетней давности, тем всё более редкими становятся подобные находки, а крайне необычные обстоятельства обнаружения (или «вывода из теней») этих книг придают данному событию особый оттенок.

Однако данная находка — не просто факт обнаружения библиографической редкости. Она послужила толчком к большому исследованию, поскольку за каждым из этих автографов стоят истории людей, оказавшихся, подобно самим книгам, потерянными и почти забытыми. Подробное описание находок, их провенанса, автографов, но главное — удивительных историй людей, стоящих за этими автографами, — тема отдельного, значительно более обширного исследования, которое сейчас готовится к изданию².

Всего на выставке представлено шесть книг с неизвестными ранее автографами И. Бунина, Н. Тэффи и А. Толстого. Эти книги никогда ранее не обнаружались и не атрибутировались. Более того, о существовании столь ценных автографов в этих книгах никто не знал, поскольку по прибытии в Кембридж некоторые из них были неправильно закаталогизированы, о чем далее. Несколько лет назад, когда каталоги библиотеки переводились в цифровой формат, эти книги чудом, а точнее, *благодаря* административному «недосмотру» избежали уничтожения как «невостребованные на протяжении более 50 лет». От такой участи эти поистине драгоценные экземпляры спасла чистая случайность.

В данной статье мы подробно остановимся на бунинских автографах.

Несколько слов о том, что представляет собой Центральная библиотека Кембриджского университета, поскольку это важно для общего фона повествования. Как и многое в Кембридже, структура его университетской библиотеки весьма своеобразна и построена по средневековой модели: Центральная библиотека — это нечто вроде главного собора, в котором хранятся книги, доступные всем колледжам (бывшим средневековым монастырям), в то время как каждый отдельный колледж, а их на данный момент 31, имеет свою суверенную «монастырскую» библиотеку, доступ к которой ограничен. Таким образом, существует как

² Книга В.Л. Царёвой-Браунер «Автографы не горят: Письма к Буниным» (рабочее название) планируется к публикации (на английском языке) в издательстве “Academic Studies Press” (USA) в 2020 г.

бы два отдельных потока обращения книг внутри одного университета, и часто они абсолютно друг с другом не связаны. Конечно, существует единый каталог, однако, даже согласно официальному сайту Кембриджского университета, структура коллекций и хранения характеризуется как «несколько идиосинхронная». Учитывая колоссальный объем книг существующего с 1209 г. Кембриджского университета, а также множества научных институтов, центров и лабораторий, входящих в него, неудивительно, что такая «идиосинхронность» нередко вносит элемент творческой непредсказуемости в процесс поиска нужной книги.

Славянские же коллекции библиотеки объемом примерно в 140.000 единиц хранения особенно славятся «идиосинхронностью»: расположенные на предпоследнем этаже так называемой «Северной башни» главного здания, эти два огромных отдела («Литература» и «История») всегда пустынные, имеют весьма своеобразное освещение, которое необходимо периодически «перезаводить» на таймере. Системность классификации здесь особенно расплывчата, поскольку книги нередко группируются по размеру, нежели по имени автора или эпохе. Большинство из тех, кто в 1920–1930-х гг. занимался систематизацией славянских коллекций, не просто не знали русского языка, но даже не умели читать кириллицу. Об одном поистине невероятном примере такой «экспертной» каталогизации, касающейся непосредственно книг И.А. Бунина, мы расскажем позднее.

Что же касается самих находок, то история первой из них, «Митиной любви» И.А. Бунина³, особенно примечательна: эта книга, судя по всему, случайно оказалась во втором ряду, или, проще говоря, «завалилась» за весьма увесистый художественный альбом «Архитектура средневековой Москвы» 60-х гг. прошлого века. Там она и провела, никем и ничем не потревоженная, почти 60 лет. Этим «счастливым» положением — в своеобразном вакууме, куда не попадали ни пыль, ни свет, — объясняется исключительная сохранность и самой книги, и бунинского автографа.

Первое издание «Митиной любви» И.А. Бунина вышло в свет в Париже в 1925 г. в издательстве «Родник». Оригинал (мягкая обложка) получил бежевый переплет вскоре после поступления в библиотеку Кембриджского университета в 1961 г., о чем свидетельствует штамп внутри переплета. Книга напечатана на высококачественной меловой бумаге с водяными знаками; эксперты по реставрации книг единодушно признали качество и сохранность этого экземпляра «совершенно исключительными» для его возраста.

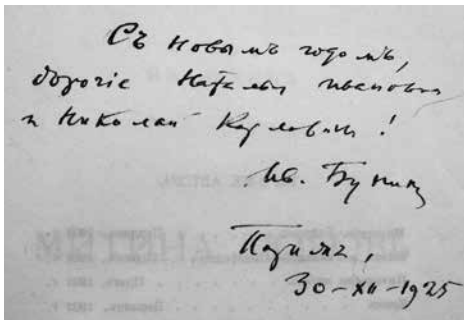
³ В данном описании мы придерживаемся не исторической хронологии публикаций, а хронологии их обнаружения (2016–2017 гг.).

На втором внутреннем листе круглый штамп с датой «15 декабря 1960 года» — день регистрации книги в библиотеке Кембриджского университета. Здесь же буква «В», означающая, что книга куплена, т.е. не является даром, займом или передачей из колледжских библиотек или кафедр. На переднем крае внутренней обложки — надпись карандашом: “Mouton & Co., Rijswijk”, а также “E-250”. В момент обнаружения книги (сентябрь 2016 г.) в ней не было формуляра, т.е. с 1960 г. она ни разу не была востребована.

Другая интересная деталь — остатки клейкой ленты на страницах с автографом. Может сложиться впечатление, что автограф пытались скрыть, склеив две страницы по краю. Эксперты не смогли с точностью определить возраст клейкой ленты, но, по их мнению, это не современная разновидность.

И, наконец, главное: на титульном листе, в верхнем правом углу — надпись черными чернилами:

**С Новым годом,
дорогие Наталья Ивановна
и Николай Карлович!
Ив. Бунин.
Париж,
30 — XII — 1925**

На фотографии достаточно четко видно, что первая буква — «С» — прописывалась Буниным несколько раз. Возможно, высохли или заканчивались чернила.

Адресаты первого автографа Бунина — Николай Карлович и Наталья Ивановна Кульман, ближайшие друзья, соратники, редакторы,

корреспонденты Буниных на протяжении почти 50 лет. Свидетельством тому — более 250 писем Кульманов к Буниным, которые хранятся в Русском Архиве в Лидсе (РАЛ). Имена этих представителей дореволюционной интеллектуальной элиты, а после эмиграции — важнейших фигур культурной жизни довоенного «русского Парижа», — в настоящий момент практически забыты, стерты из памяти, а если и упоминаются, то

очень часто с ошибочными ссылками. Даже в серьезных публикациях⁴ появляются фактические неточности, допущенные не по вине составителей сборника. Выверенная информация о них будет включена в уже упомянутую книгу, готовящуюся к печати.

Более того, немногочисленные сохранившиеся фотографии Н.К. Кульмана иногда сопровождаются самыми неожиданными подписями, например «А. Деникин», с которым Николай Карлович был очень дружен в эмиграции и даже чем-то действительно на него похож, — что, однако, никак не извиняет такой оплошности, — и даже «К. Бальмонт», тоже хороший знакомый и соавтор нескольких трудов, посвятивший Кульману свой перевод «Слова о Полку Игореве». Однако Бальмонта с его лыниной шевелюрой даже в преклонном возрасте трудно спутать с абсолютно лысым Николаем Карловичем.

Как следует из дарственной надписи, первое издание «Митиной любви» — новогодний подарок Кульманам, вместе с которыми Бунины встречали наступающий 1926 г.; 1 января 1926 г. Вера Николаевна Бунина записывает в дневнике: «Новый год встречали в “Возрождении”... Кульман поднял тост за букву “Ъ”!»⁵

Естественно, эта находка вдохновила автора статьи немедленно провести системное обследование обширного корпуса изданий И.А. Бунина разных лет — дореволюционных, эмигрантских, советских — сначала по общему каталогу, а потом и путем «фронтального» осмотра всех полок (и потенциальных ниш) в радиусе первой находки. Увы, эта работа, занявшая около полугода, не принесла никаких результатов.

Надо сказать, что на тот момент все попытки найти какую-либо информацию об архиве Кульманов — в Москве, Петербурге, Лондоне, США, Париже, где Кульманы жили в эмиграции и похоронены на кладбище Сен-Женевьев-Де-Буа (Николай Карлович скончался в 1940 г., Наталья Ивановна — в 1956 г.), — также оказывались тщетными. Их имена были знакомы моим многочисленным корреспондентам, но преимущественно по ассоциации с другими, более «звездными» именами — Буниных, Тэффи, Шмелевых, Зайцевых, Деникина, Бальмонта. Об архиве, если таковой сохранился, ничего узнать не удалось.

Поиск осложнялся ошибкой, повторяющейся во многих источниках: якобы у Кульманов был сын Владимир Николаевич, ставший видной фигурой Русской Православной Церкви за Границей и известный в сане как

⁴ И.А.Бунин: Новые материалы. Вып. III: «... Когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961 / Сост., подгот. текста Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса. М., 2014. 714 с.

⁵ Бунин И.А., Бунина В.Н. Устами Буниных. Дневники: в 2 т. Т. 2. М., 2005. С. 153.

Митрополит Мефодий. На самом деле Владимир Николаевич был сыном Н.К. Кульмана от первого брака, а Наталья Ивановна была его мачехой. Брак Кульманов был вторым для обоих, и общих детей у них, как выясняется из письма В.Н. Буниной к Г.Н. Кузнецовой от 20 марта 1958 г.⁶, не было, а потому и поиск по линии общих детей, которые могли бы дать информацию об архиве, оказался непродуктивным. Вообще же у Николая Карловича было четверо детей от первого брака: две дочери и два сына. О дочерях известно только, что они также эмигрировали и жили в Германии и Чехии, одна из них была врачом. Их имена периодически появляются в письмах Н.И. Кульман к В.Н. Буниной, с которой она была в очень доверительных отношениях, а потому и писала «о больном»: судя по всему, отношения с дочерьми и внуками Н.К. Кульмана у Натальи Ивановны не сложились. Что же касается Владимира Николаевича, старшего сына Н.К. Кульмана, надо сказать, что хотя он и был более близок Наталье Ивановне и даже помогал ей в последние годы жизни, маловероятно, чтобы он взял на хранение архив отца и мачехи, поскольку к середине 50-х гг. окончательно отошел от мирского и вел аскетический образ жизни. Детей у него, разумеется, не было.

Как уже упоминалось, в РАЛ хранится весьма значительный корпус писем Кульманов к Буниным, свидетельствующий об их активнейшей научной, просветительской, издательской, благотворительной деятельности. Кульманы были действительно близкими, а не «светскими» друзьями многих ключевых фигур русской эмиграции первой волны. И тем не менее все запросы автора в разнообразные организации, архивы, церкви оказались, увы, безрезультатны.

Почему вопрос об архиве Кульманов представляется столь важным? Во-первых, корпус писем, хранящийся в РАЛ, — это письма Кульманов к Буниным, т.е. корреспонденция только с одной стороны, хотя и свидетельствующая об активной переписке с обеих сторон. Поскольку отношения были очень доверительными, в этих письмах немало неизвестных ранее и никогда не публиковавшихся фактов — о жизни Буниных в Грассе и Париже, об их отношениях с общими друзьями и знакомыми, о жизни парижской эмиграции вообще. Н.К. Кульман был распорядителем Нобелевского фонда Бунина, однако в РАЛ хранится всего одно письмо на эту тему. Где находятся письма Буниных к Кульманам — неизвестно.

Во-вторых, учитывая близость и непрерывность отношений, существовавших почти 50 лет, — что само по себе достаточно уникально для Ивана Алексеевича, — можно с достаточной степенью уверенности сказать, что книг с дарственными надписями Бунина в собрании Кульманов

⁶ И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. III. С. 430.

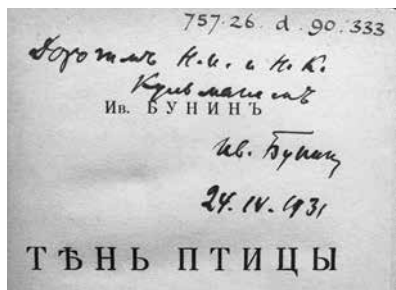
было значительно больше. Более того, Наталья Ивановна была одним из первых читателей и редакторов «Темных аллея» и многих других произведений Бунина конца 1930-х — начала 1950-х гг., о чем свидетельствуют ее письма к Бунину, хранящиеся в РАЛ; они будут опубликованы в упомянутой книге. Можно предположить, что в архиве были и черновики рукописей Бунина с пометами Натальи Ивановны, поскольку они упоминаются в письмах. Где все эти материалы теперь — тоже неизвестно.

Важно также заметить, что после смерти мужа Наталья Ивановна трепетно хранила и собирала всё, что было связано с его жизнью и деятельностью, и поэтому невозможно представить, что письма Буниных или книги с автографами Ивана Алексеевича могли — по крайней мере, при жизни Натальи Ивановны — просто исчезнуть. Сохранить наследие мужа стало поистине целью ее жизни после ухода Н.К. Кульмана, а она пережила его на 16 лет.

... Именно в период такого исследовательского тупика, когда казалось, что все очевидные поисковые резервы исчерпаны, автору снова улыбнулась удача. Увы, это был не архив Кульманов, но нечто не менее неожиданное: небольшой синий том, очутившийся в ряду книг о реформах Столыпина — вдали от «бунинского» корпуса, от места обнаружения «Митиной любви», что было бы более логичным.

На титульном листе этой небольшой книги значится: «Ив. Бунин. / Тень птицы. / Париж / Издательство Современные Записки / 1931». А в самой верхней его части, которая, судя по всему, была обрезана при переплете, знакомым почерком черными чернилами написано:

**Дорогим Н.И. и Н.К.
Кульманам
Ив. Бунин⁷
24.IV.1931**

Непросто описать ощущения по прочтении этой дарственной надписи: после почти годовых системных поисков и запросов, буквального прочесывания сотен томов славянских коллекций — именно в результате такого фронтального метода были обнаружены остальные экспо-

⁷ В данном случае «ер» (ъ) в конце фамилии представляется скорее росчерком, но нет сомнения, что Иван Алексеевич, до конца жизни придерживавшийся старой орфографии, подразумевал его.

наты выставки — взять в руки своеобразную «расшифровку кода»... Напомним, что на первом экземпляре указываются только имена и отчества адресатов, и хотя к тому времени их фамилия уже была установлена, подтверждение, написанное рукой Бунина, не могло не показаться сродни провидению.

По качеству издания «Тень птицы» значительно уступает «Митиной любви»: бумага желтоватая, тонкая, без водяных знаков, поэтому чернила автографа кажутся немного размытыми. Однако практически все библиотечные данные книги идентичны. Так же, как «Митина любовь», «Тень птицы» поступила в библиотеку 15 декабря 1960 г., является приобретением и переплетена в синюю кожаную обложку в 1961 г. На второй странице идентичная с первым экземпляром надпись карандашом “Mouton & Co., Rijswijk”. Как и в случае с «Митиной любовью», формуляр книги чист, т.е. она ни разу не была востребована.

Идентичная дата регистрации, идентичные карандашные надписи (о них ниже), наконец, идентичные адресаты позволяют предположить, что обе книги поступили в Кембридж вместе и из одного источника, скорее всего, из личной библиотеки. Казалось бы, вопрос их провенанса относительно прост. Однако всё оказалось значительно сложнее. Карандашная надпись на книгах привела к старой голландской книжной фирме “Mouton & Co”, которая еще в середине прошлого века активно занималась куплей и продажей как антикварных, так и просто старых книг, однако давно прекратила независимое существование, поскольку в 1977 г. была поглощена крупным книжным концерном “De Gruyter”. Сотрудник этой фирмы подтвердил в переписке с автором статьи, что в 1950–1960 гг. через “Mouton & Co” действительно проходил большой поток книг русской эмиграции, большей частью из Франции. Представители первой волны к тому времени уже практически ушли, и в отсутствие наследников огромное количество таких бесхозных книг оказалось либо на «развалах» Парижа, Ниццы, Канн, либо продано «валом» в компании, подобные “Mouton & Co”.

Как говорилось ранее, Наталья Ивановна Кульман скончалась в 1956 г.; т.к. прямых наследников у нее не было, можно предположить, что именно такая судьба постигла два этих ценнейших экземпляра. Судя по всему, Владимир Николаевич Кульман (архиепископ Мефодий) не принимал участия в судьбе архива отца: трудно представить, чтобы он отдал такие книги на валовую распродажу.

Существует еще один гипотетический сценарий провенанса этих книг: Наталья Ивановна была активной прихожанкой храма Покрова на рю Люрмель в 15-м округе Парижа. Возможно, она завещала архив своей церкви, но через несколько лет по каким-то причинам он был рас-

продан, и некоторая его часть, в том числе две наших книги, оказалась в Голландии. Насколько известно, сейчас этот храм не существует.

Рассматривался и еще один вариант: часть архива Кульманов могла оказаться в Покровском женском монастыре в Бюсси-ан-От, в Бургундии. Именно там относительно недавно закончила жизнь игуменя Ольга, в миру Елена Ивановна Слэзкина (1915–2013), настоятельница этого небольшого монастыря до своей кончины, а в прошлом — духовная дочь и ближайшая помощница владыки Мефодия. Когда-то она тоже была прихожанкой храма на рю Люрмель. Недавно из монастыря пришел ответ: увы, мать Анна сообщила автору, что архива Кульманов у них нет.

Важно заметить, что о существовании бунинских автографов в этих двух книгах на момент их поступления в Кембридж и каталогизации известно не было, и мы подробнее остановимся на этом позже. Однако, возвращаясь к отпечаткам клейкой ленты, о которых говорилось ранее, возможно, кто-то пытался утаить наличие этих автографов.

По словам Мэл Бах, нынешнего куратора Славянских Коллекций университетской библиотеки, на некоторых приобретениях того периода ставилась не только дата регистрации, но и номер накладной или счета, по которому книга была приобретена, однако на наших экземплярах такой информации, к сожалению, нет.

Следующий вопрос: каким образом эти две книги могли попасть из Голландии в Кембридж? Можно предположить два сценария: они были приобретены напрямую либо по каталогу “Mouton & Co”, одного из многочисленных поставщиков библиотеки Кембриджского университета на протяжении многих лет, либо в известном кембриджском магазине букиниста Гюстава Дэвида. Основанный в 1896 г., он и сегодня активно работает, от библиотеки до него 5 минут пешком. Обе версии приоткрывают интереснейший пласт кембриджской русистики, и здесь представляется уместным сделать небольшое отступление и рассказать о человеке, который наверняка имел прямое отношение к появлению всех этих книг в университетской библиотеке.

Речь пойдет о личности, весьма выдающейся во многих отношениях, первой женщине-профессоре славистики Кембриджского университета — Элизабет или, как ее часто называли, Лизе Хилл. В советские времена к ней непременно прикрепили бы штамп «человек удивительной судьбы». И судьба ее в самом деле удивительна. Елизавета Федоровна Хилл, дочь англичанина и обрусевшей немки, родилась в 1900 г. в Санкт-Петербурге. Хотя в 1917 г. семья репатриировалась в Англию, Елизавета Федоровна всегда ощущала себя исключительно русской, решительно поправляя тех, кто считал ее англичанкой. В 1936 г., после долгих лет лишений (семья потеряла свое значительное состояние в 1917 г.)

и скитаний по случайным работам, Елизавета Федоровна, защитив диссертацию, наконец получила постоянное место преподавателя русского языка в Кембридже. С 1948 по 1968 гг. она являлась бессменным заведующим кафедры славистики и, как уже говорилось, первой женщиной-профессором в этой области, что для консервативного Кембриджа тех лет было практически неслыханным.

Однако в биографии Елизаветы Федоровны есть еще один, не менее интересный пласт: Джордж Блейк, один из «кембриджских шпионов», двойной агент, завербованный СССР во времена Корейской войны, был любимым учеником профессора Хилл, и, по его собственному признанию, именно она пробудила в нем интерес к России и всему русскому, став для Блейка неким «русским пастырем»⁸. Блейк по сей день живет в Москве.

В 1941–1945 гг. Хилл числилась «особым консультантом» при Министерстве информации Великобритании, и к ней, скорее всего, тоже делались «подходы» на предмет сотрудничества с Москвой. Но Елизавета Федоровна всегда слыла страстным русофилом и такой же страстной антисоветчицей, поэтому вербовки явно не произошло.

Во времена холодной войны, с 1951 по 1960 г., когда Европа впервые активно ждала «прихода русских», Хилл возглавила Школу для военных лингвистов (Joint Services School for Linguists), курс настолько исключительного уровня, что его выпускники — Хилл называла их «курсанты» — на протяжении многих лет считались лучшими русистами в Великобритании, хотя, к счастью, их навыки не пригодились по прямому назначению, поскольку русские, вопреки ожиданиям, так и не пришли... Однако множество будущих дипломатов, министров, государственных чиновников высокого уровня и даже писателей и драматургов — а общий выпуск «курсантов» составил около 5.000 человек — на всю жизнь прониклись любовью к России, к ее языку и культуре именно стараниями Лизы Хилл. За свои заслуги она была удостоена титула Дамы Британской Империи (Dame).

С ранней молодости одной из страстей Елизаветы Федоровны было собирание книг, и сразу по назначении на пост преподавателя русского в Кембридже она начала активно заниматься закупками для растущей библиотеки славистики. Важно заметить, что никаких «грантов» Хилл не имела, но, поскольку это была ее первая стабильная зарплата (скорее всего, весьма скромная), она решила ежемесячно тратить определенную сумму на покупку книг для библиотеки. Начало коллекции положил профессор Минн, передав свою огромную библиотеку славистики в дар

⁸ *Hermiston R. The Greatest Traitor: The Secret Lives of Agent George Blake. London, 2013. 352 p.*

университету в 1936 г., и Елизавета Федоровна энергично подхватила эстафету. В книге воспоминаний, опубликованной уже после ее смерти в 1996 г., профессор Хилл пишет: «Каждую субботу я отправлялась в подвальчик букинистического магазина “Дэвид”, находящегося в самом центре Кембриджа, рядом с рыночной площадью, и почти всегда уходила с добычей»⁹. Далее Хилл вспоминает, что, путешествуя по Европе, тоже всегда старалась зайти к местным букинистам — посмотреть, нет ли чего интересного на русском языке. Похоже, такие походы часто оказывались успешными — к концу 30-х гг. первая волна русской эмиграции начала уходить из жизни, и, как уже говорилось, многие ценнейшие коллекции просто выбрасывались. Что касается европейских путешествий (и приобретений), неутомимая профессор Хилл вполне могла посетить Рейсвейк или купить две бунинские книги по каталогу дилера в 1960 г. Могла ли Елизавета Федоровна не заметить ценный автограф? Увы, вполне, — и рассказ об этом чуть ниже.

А пока — рассказ о последней «бунинской» находке, представленной на выставке. Подобно «кульмановским» экземплярам, этот темно-синий том найден там, где не должно был быть: в разделе русской мемуарной литературы конца XIX в.

Перед нами — книга И.А. Бунина «Чаша жизни. Рассказы 1913–1914 годов», выпущенная Книгоиздательством писателей в Москве в 1915 г. Книга в оригинальном переплете, на внутренней стороне обложки штамп с датой поступления — 25 ноября 1939 г. Более никаких помет или надписей нет, равно как и формуляра — книга не была востребована почти 80 лет.

На титульном листе под заглавием книги автограф:

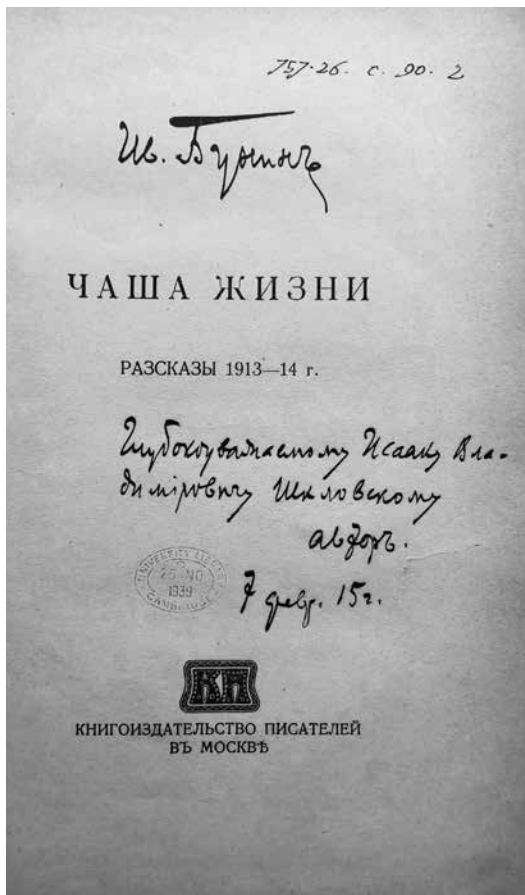
Глубокоуважаемому Исааку Владимировичу Шкловскому

автор.

7 февр. 15 г.

Исаак Владимирович Шкловский (1865–1935), известный также под псевдонимом Дионео, — выдающийся журналист, очеркист, этнограф, который был хорошо знаком с Буниным по издательским делам: до революции они нередко печатались в одних журналах. (Интересно, что, живя в эмиграции в Лондоне, Исаак Владимирович был дружен с Ариадной Владимировной Тырковой-Вильямс, которой адресован автограф Тэффи, представленный на этой же выставке.)

⁹ In the Mind's Eye: The Memoirs of Dame Elizabeth Hill / Ed. J.S. Smith. Lewes, 1999. 520 p. Здесь и далее перевод с английского автора статьи.

«Чаша жизни» поступила в библиотеку значительно раньше двух предыдущих книг. Дата поступления (после 1936 г.) свидетельствует о том, что книга, скорее всего, приобретена стараниями Елизаветы Федоровны Хилл, а не входила в коллекцию профессора Минна. Хотя на книге стоит код «приобретена», помета о том, что она поступила от какого-либо дилера, отсутствует. Помет нет вообще.

Заметим, что после 1917 г. Кембридж вместе с Оксфордом и Лондоном стал одним из «русских» центров Англии — здесь поселилось немало представителей первой волны эмиграции, многие из которых работали в уни-

верситете: в 1920–1930-х гг. здесь учились Владимир Набоков, Николай Бахтин, защитивший в Кембридже докторскую диссертацию, работали Дмитрий Оболенский, Петр Капица и многие другие. Существовала активная русская диаспора, и поэтому вполне возможно, что «Чаша жизни» попала в библиотеку именно таким путем: кто-то сдал старые русские книги кембриджскому букинисту, а Елизавета Федоровна купила ее в один из своих субботних походов.

Представленные здесь версии о поступлении из Голландии двух книг с автографами Кульманам и относительно «Чаши жизни» с автографом Шкловскому — гипотезы, основанные, однако, на документальных исследованиях. К общему сожалению автора, сотрудников и куратора славянского отдела библиотеки Кембриджского университета, не осталось никаких накладных или других «вещественных доказательств», которые могли бы неоспоримо подтвердить провенанс этих книг.

И, наконец, последний вопрос: как могли эти ценнейшие книги оказаться там, где были обнаружены? В начале статьи говорилось о весьма своеобразном подходе к каталогизации славянских коллекций в 1930–1960-х гг.: он был во многом обусловлен историческими причинами, отсутствием структурного подхода и нехваткой сотрудников со знанием русского языка. Хотелось бы проиллюстрировать этот тезис примером из воспоминаний Елизаветы Хилл, где описывается, к примеру, такой «забавный» эпизод: «...в то время коллекция разрослась, и нам пришлось искать какого-нибудь аспиранта, который мог бы заняться каталогизацией в свободное время. Им оказался Сергей Гаккель, впоследствии ставший видной фигурой в Русской Православной церкви в Лондоне. Его интересовали только религиозные книги, на остальное он вообще не обращал внимания. Вскоре его ненадолго сменил поляк Сигизмунд Рукальский, потом — бывший “курсант” Феэрс, ставший много позднее куратором Славянских Коллекций Британской библиотеки. Наконец, в конце 50-х годов Министерство финансов выделило нам грант на ставку библиотекаря, и им стал некто Павлович, серб по национальности, который занялся составлением первого каталога. Надо сказать, что господин Павлович довольно плохо знал и русский и английский, поэтому при каталогизации наделал немало *забавных*¹⁰ ошибок. Вот пример одного такого *курьеза*: в карточке написано: “Автор: *Шмелев*. Название: *Жизнь*. Ссылка: *Арсеньев*”»¹¹.

Можно оставить этот «курьез» без комментариев... Проверив каталог, автор статьи, конечно же, обнаружил «Жизнь Арсеньева», к которой Иван Сергеевич Шмелев никакого отношения не имел. Этот бунинский том, находящийся в библиотеке с конца 1950-х гг., тоже никогда не был востребован, что, учитывая столь экспертное описание, совсем не удивительно.

Возможно, что именно стараниями загадочного серба Павловича — к сожалению, неизвестны даже его инициалы, никаких документов о нем в библиотеке также не сохранилось — первые издания книг с автографами Бунина, а также Н. Тэффи и А. Толстого оказались в столь неожиданных местах, где провели в полной безвестности многие десятилетия. Хронологически это весьма вероятно, поскольку даже поступившая в 1939 г. «Чаша жизни» не могла быть системно каталогизирована до середины 1950-х гг. по описанным ранее причинам. Что же касается «Митиной любви» и «Тени птицы», поступивших в конце 1960 г., можно с уверенностью предположить, что они попали именно в заботливые

¹⁰ Курсив автора статьи.

¹¹ In the Mind's Eye: The Memoirs of Dame Elizabeth Hill. P. 327.

руки господина Павловича, у которого, по словам Елизаветы Хилл, наблюдалась сложность и с английским, и с русским языками...

Нет необходимости говорить, что подобный «забавный анекдот» вряд ли приведет в восторг буниноведов и других исследователей наследия русской эмиграции. К счастью, в данном случае руководство библиотеки Кембриджского университета действовало оперативно и профессионально: при содействии куратора Славянских Коллекций книги были переведены в особый фонд хранения, где находились до открытия выставки 5 ноября 2018 г. В то же время была проведена реставрационная работа, сделаны высококачественные фотографии, которые можно увидеть на сайте выставки, создан удачный дизайн экспозиции. Выставка продлилась месяц, и по ее окончании книги вернулись в особый фонд.

Казалось бы, «хэппи энд»: ценнейшие образцы материальной культуры русской эмиграции спасены, описаны и введены в научный оборот. Однако возникает вопрос: может ли где-то в недрах библиотеки существовать другой, пока не обнаруженный пласт? Учитывая общую бессистемность исторической каталогизации, увы, нельзя с уверенностью утверждать, что это невозможно, и автор, безусловно, продолжит поиски.

Литература

Бунин И.А., Бунина В.Н. Устами Буниных. Дневники: В 2 т. Т. 2. М.: Посев, 2005. 432 с.

И.А. Бунин. Новые материалы. Вып. III: «...когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. 1934–1961 / Сост., подгот. текста, научн. аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса, сопроводит. статьи Е.Р. Пономарева. М.: Русский путь, 2014. 714 с.

Hermiston R. *The Greatest Traitor: The Secret Lives of Agent George Blake*. London: Aurum Press, 2013. 352 p.

In the Mind's Eye: The Memoirs of Dame Elizabeth Hill / Ed. J.S. Smith. Lewes: Book Guild, 1999. 520 p.

References

Bunin I.A., Bunina V.N. *Ustami Buninykh. Dnevniki: V 2 t. T. 2* [As spoken by the Bunins. Diaries: In 2 vols. Vol. 2]. Moscow, Posev Publ., 2005. 432 p. (In Russ.)

Hermiston R. *The Greatest Traitor: The Secret Lives of Agent George Blake*. London, Aurum Press, 2013. 352 p.

I.A. Bunin. *Novye materialy. Vyp. III: "...kogda perepisyvaiutsia blizkie liudi": Pis'ma I.A. Bunina, V.N. Buninoi, L.F. Zurova k G.N. Kuznetsovoi i M.A. Stepun. 1934–1961* [I.A. Bunin. New materials. Vol. III: "...when close people write to each other": Letters

of I.A. Bunin, V.N. Bunina, L.F. Zurov to G.N. Kuznetsova and M. Stepun. 1934–1961], comp., ed., comment. by E.R. Ponomarev and R. Davis, articles by E.R. Ponomarev. Moscow, Russkii put' Publ., 2014. 714 p. (In Russ.)

In the Mind's Eye: The Memoirs of Dame Elizabeth Hill, ed. J.S. Smith. Lewes, Book Guild, 1999. 520 p.

Previously unknown autographs of Ivan Bunin: Exhibition at Cambridge University (UK)

© 2019, Vera Tsareva-Brauner

Abstract: The article describes unknown autographs of Ivan Bunin presented at the exhibition of autographs, which was recently held at the University of Cambridge, the history of their discovery, attribution, provenance. The article also addresses the issue of the history of books of the first wave of Russian émigrés from the Slavic Collections of the University Library of Cambridge.

Keywords: I.A. Bunin, unknown autographs, a collection of books of the first wave of Russian émigrés.

Information about the author: Vera Tsareva-Brauner, MA, BA, MPhil (Manchester), member of the Department of Slavonic Studies, Faculty of Modern and Medieval Languages (MML), University of Cambridge, UK.

E-mail : vt220@cam.ac.uk

Citation: Tsareva-Brauner Vera. Previously unknown autographs of Ivan Bunin: Exhibition at Cambridge University (UK). *Literary fact*, 2019, no. 1(11), pp. 369–383. (In Russ.)

DOI 10.22455/2541-8297-2019-11-369-383